

Пока
у мира
есть мы

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Джейн Никвол

18+

Джейн Никвол

Пока у мира есть мы

<https://litres.ru/74288908>

SelfPub; 2026

Аннотация

Один выстрел превратил защитницу Нижнего города в преступницу. Один незнакомец предложил ей не спасение, а революцию. Теперь, чтобы выжить, Исе Ревейн придется выбирать между долгом, мстью и чувствами, которые способны изменить судьбу целого мира.

Она несет милосердие. Он сеет хаос. И только вместе они могут изменить мир.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Джейн Никвол

Пока у мира есть мы

Глава 1

*Из архивов Ордена Хранителей
Перед вами — переписанный текст
личного дневника Исы Ревейн —
седьмой по счету, носившей звание
«Хранительница милосердия».
Рукопись была найдена в развалинах
замка НоктАстар, построенного, по
сохранившимся свидетельствам, по
приказу Короля Луны на границе
Арсама и Тулейхии.
Подлинность дневника до сих пор
остается предметом споров. Одни
считают его личными записями
женщины, изменившей ход истории.
Другие — искусной мистификацией,
созданной спустя столетия.
Судить об этом предстоит вам.*

Свет в комнатухе, куда меня сегодня привел Джо, был до тошноты тусклым. Солнце давно свалилось за горизонт, и лишь несколько свечей, прилипших воском к столу, помогали мне в эту ночь. В руках я держала изящный клинок, с

остервенением пытаюсь оттереть засохшую кровь. Мой любимый нож — подарок Кристиана Кастерна, моего лучшего и теперь уже мёртвого друга, — Джо уволок без спроса, кого-то прирезал и даже не удосужился сполоснуть. Теперь я корпела над этим важным делом, потому что этим же оружием невероятной красоты собиралась тоже кое-кого убить. Моя цель — принц-регент, жалкий, мерзкий щенок, посмевавшийся тронуть тех, кого я защищала все эти годы.

— Уже пора, — раздался голос Джонатана, и я обернулась.

Он стоял, подпирая плечом дверной косяк, — не очень высокий парень, но с такими широкими плечами, что проём за его спиной казался узким. Сальные светлые волосы, больше похожие на солому, чем на шёлк, вечно падали на глаза, и он сдувал их резким, злым выдохом. Красавцем его бы никто не назвал: черты лица были грубоваты, словно высечены наспех, но взгляд тягучий, янтарный, приковывал к месту. От него пахло потом, металлом и сырой землёй — запахом тяжёлой работы. И сейчас я вдруг впервые подумала, что когда-нибудь, возможно, буду вспоминать эту терпкую горечь как уют, если встречу кого-то, кто пахнет иначе.

— Ты точно уверена, Иса?

— А разве когда-то Иса Ревейн бралась за то, в чём не была уверена? — хмыкнула я. — Может, я и не лучшая среди убийц, даже не ассасин, но клинком владею лучше тебя, а ещё могу свободно войти в замок благодаря своему поло-

жению.

— Если тебя схватят...

— Ты займёшь моё место, Джо, — отрезала я ту часть грустного диалога, что уже готова была развернуться. — Так же, как я заняла место Криса.

— Я буду скучать.

Я отложила уже чистый клинок на стол, швырнула тряпку и поднялась. Джонатан, стоявший в дверном проёме, тут же шагнул ко мне. Потянувшись к его шее, я обхватила её руками, подпрыгнула, сцепив ноги у него на спине. Сильные руки легко сжали мои бёдра, придерживая весь мой вес так, будто я ничего не весила, и я на секунду прикрыла глаза от этого грубого, надёжного жара. Он откинул голову назад, сбрасывая с глаз мешающие золотые волосы, а я впилась губами в его шею, чувствуя соль на коже, лизнула линию подбородка и перешла к губам. Его ладони стиснули меня крепче, и я случайно издала горловой звук — то ли прохрипела что-то, то ли пророкотала от удовольствия.

— Слышишь? — спросил он, убирая язык из моего рта. — Колокол звонит.

Я расцепила ноги, спрыгнула на пол, и мои ладони легли на скулы Джо, а взгляд впился в его янтарные глаза так, чтобы он понял: в этот раз я действительно могу не вернуться.

— Если услышишь, что меня схватили, сразу сворачивай патрули и дозорных. Ни один человек не должен попасться этой ночью. Ты понял?

— Понял, Иса. Никто, кроме тебя.

— Отныне... — Я постаралась поглубже вдохнуть его запах и прижалась лбом к его лбу. — Иса Ревейн покажет всем, кто она на самом деле. Это будет не просто убийство, а пламя, которое взойдёт над Домом Солнца — над всем этим грёбаным Арсамом, что предпочитает древние устои, войны и ненависть к тем, кто не виноват в собственном происхождении.

Джо снова положил руки мне на бёдра, и я на миг испугалась такой скупой реакции на свои слова. Он что, забыл, что случится через несколько часов? Я, девушка, с которой он встречается уже два года и служит семь, собираюсь одна пойти в замок, прирезать наследного принца и, скорее всего, встретить рассвет мёртвой. Неужели он забыл, почему я вообще пошла на такой отчаянный шаг? Всех, кого я оберегала, долгие годы травили, унижали, убивали — тех самых людей, среди которых я прожила последние семь лет, день за днём вырезали, ловили, словно крыс. Мужчинам отрезали конечности ради потехи, женщин насиловали ради мимолётной забавы. Это место ещё два покровителя назад прозвали «Тёмной стороной Солнца».

— Ну всё, — пробубнил Джо, — ты сейчас потеряешь концентрацию.

Я помотала головой, приходя в себя. Он отпустил меня, я кивнула, подошла к столу и убрала клинок в ножны на поясе. Ещё раз осмотрела себя: ремешки надёжно держат кожаную

ткань, пояс закреплён, клинок в ножнах сидит смирно.

— Неси мой плащ, Джо, — сказала я.

Сейчас нужно было успокоиться, но поток мыслей не стихал. Я даже немного боялась. Я — девушка, ещё в прошлом месяце взорвавшая целую поставку оружия во дворец, сейчас боялась такого простого хода, продуманного до мелочей. Я ведь не боялась, когда за подобную выходку казнили двоих моих наемников... Что ж, в оправдание ли будет сказано, они сами попались и признали вину. Благо, оба были бастардами и сказали, что прибыли из Тулейхии.

Войти в замок легко: я законная жительница королевства Дома Солнца, кровь чиста, не смешана с Домом Луны, и глаза сияют янтарём, точно как у любого законного жителя Арсама. К тому же, хоть я уже семь лет покровительница тёмной части города, я никогда там не жила и не задерживалась дольше, чем нужно, отлично играла роль при замке: дочь покойного мастера над монетой, живу в доме у центральной площади, общаюсь со знатными дамами, заигрываю с гвардейцами — ни намёка на суть моей настоящей жизни.

Джо набросил мне на плечи плащ, убрал длинные угольно-чёрные волосы за уши, укрыл голову капюшоном, а затем наклонился и оставил на моих пухлых губах ещё один поцелуй — наш последний поцелуй.

— Ты помнишь, что делать, если меня поймают и я не успею свершить акт возмездия? — спокойно спросила я.

— Я должен буду завершить начатое.

— Отлично, — бросила я, выходя в коридор многоэтажного дома.

Я шла по улице Нижнего Яруса, и мокрые камни под сапогами блестели так ярко, будто кто-то рассыпал по ним осколки звёзд. Дождь только что стих, но вода всё ещё срывалась с покосившихся крыш, капала с верёвок, где сушилось тряпье, и собиралась в тёмных лужах, как в кривых зеркалах, отражались редкие фонари и силуэты домов. Воздух здесь был густой: дым, гарь, сырость, дешёвый табак — всё смешивалось в одну липкую взвесь. Запах места, которое знатные называли клоакой королевства, а я — домом для тех, кого предпочитали ненавидеть, потому что боялись.

Я шла медленно, без спешки: нужно было сохранить трезвую голову, спокойное сердце и лёгкую руку — ту самую, что перережет горло королевскому отпрыску. По обе стороны дороги кипела ночная жизнь: под навесами торговали ворованными украшениями, чужими документами, порошками в крохотных склянках, ножами и ещё бог знает чем. Здесь можно было купить абсолютно всё — кроме совести, да и кому она, к дьяволу, сдалась?

Я скользнула взглядом по лицам: старуха с бельмом на глазу, продающая настойки, где лекарство от лихорадки соседствовало с ядом; двое мальчишек-карманников, слишком юных для той злости, что уже поселилась в их глазах; мужчина с разбитой губой и руками мясника; девчонка лет пятнадцати, под юбкой которой угадывалась такая огромная сум-

ка, что приходилось скрючиваться при ходьбе. А вот и двое бастардов — глаза их выдавали с головой: один золотистый, такой же, как у меня, второй — синий, скорее даже тёмно-серо-синий, цвет жителей Тулейхии, Дома Луны.

Кто-то кивнул мне из тени, и это заставило меня напрячься. Несмотря на титул «Хранительницы милосердия», моё имя и лицо оставались тайной для большинства: если их поймают и начнут пытаться, моё имя не сорвётся с их губ, а лицо не украсит плакаты с надписью «разыскивается». Я ответила едва заметным кивком, узнав в этом мужчине Исаака — друга Криса и одного из немногих, кто был приближен ко мне и участвовал в собраниях. Лет сорока, темноволосый, худощавый, со смуглой кожей, он почти сливался с темнотой подворотни, и лишь тусклый отсвет фонаря выхватывал острые скулы да внимательный, цепкий взгляд.

Слева, над дверью питейной дыры, висело выцветшее знамя с золотым солнцем — символ королевства, который в Нижнем Ярусе выглядел почти насмешкой. Полотно прожгли в трёх местах, заляпали чем-то тёмным, подозрительно похожим на старую кровь, — идеальное украшение для района, что кормил столицу ворованным шёлком, контрабандой, слухами и людьми, готовыми за горсть серебра сделать то, от чего благородных вывернуло бы наизнанку.

Я подняла голову. Замок Солнца виднелся впереди, возвышаясь над этим тёмным месивом улиц, лестниц, арок и мостов — белоснежный клинок, вонзённый в горло неба. Его

башни терялись в дымке, окна светились тёплым золотом, и издали он казался красивым... если не знать, сколько грязи оседает у его подножия и сколько костей моих людей лежит под камнями основания. Замок всегда смотрел на Нижний Ярус сверху вниз, как хозяин на псарню, словно мы просто неприятный налёт на безупречном лице королевства.

Меня это забавляло, потому что правда была куда смешнее. Они делали вид, что этого места не существует, что Нижний Ярус — пятно, которое можно прикрыть шёлковой юбкой, указом или казнью. Но именно этот «грязный» район держал на плаву половину их благополучной жизни: здесь сбывали то, что нельзя продавать открыто, здесь исчезали люди, которых нельзя было оставлять в живых, здесь прятали бастардов, нежеланных любовниц, неугодных сыновей, долги, позор, тайны и золото. А потом те же самые господа поднимались в свои светлые покои и говорили о чести, порядке и воле Солнца.

Я шагнула через длинную лужу — подол плаща мазнул по мокрому камню. Ветер скользнул под воротник, холодный и сырой, принесся с собой далёкий звон металла, чей-то крик, женский смех из распахнутого окна и глухой лай собак. Где-то дрались — судя по звуку, у старой кузницы. Где-то играли в кости. Где-то кого-то резали. Обычная ночь.

Я чувствовала взгляды на спине — они тянулись ко мне из подворотен, с балконов, из окон без стёкол, из-за занавесок и клубов дыма. Хорошо, что никто не окликнул: сегодня

у меня плохое настроение, но не то тихое, опасное, когда я улыбаюсь и люди начинают молиться. Нет, сегодня во мне сидело раздражение другого рода — колющее, ясное, почти весёлое. Такое приходит, когда слишком долго держишь в голове чужую ложь и уже почти предвкушаешь момент, когда сможешь воткнуть её хозяину в глотку вместе со всеми оправданиями.

Я провела пальцами по рукояти клинка у бедра — просто чтобы почувствовать знакомый холод под ладонью, который успокаивает лучше любой молитвы. Лезвие я натёрла до блеска, и теперь хотелось проверить, насколько хорошо оно войдёт в плоть. Но я терпеливая, когда надо — очень терпеливая.

На углу у лестницы сидел мальчишка с ободранными коленями и жевал корку хлеба — Джулиан, сын одного из моих близких — того, кого уже не было в живых. Увидев меня, он быстро поднялся, будто его поймали на преступлении, и прижал кулак к груди.

— Госпожа Иса.

Я остановилась.

— Кто умер?

Он моргнул, сбитый с толку.

— Никто... пока никто, госпожа.

— Тогда не смотри на меня так, будто я уже опоздала на похороны.

Он нервно хмыкнул, а я пошла дальше, слыша за спиной

облегчённый выдох. Да, пугать детей — дурная привычка, но здесь они взрослеют быстрее, чем в Верхнем городе успевают научиться читать, так что ничего, переживут.

Чем ближе к подъёму, ведущему к замку, тем уже становилась улица, тем выше поднимались дома по обе стороны, нависая друг над другом, словно сговорившиеся свидетели. Между ними тянулись верёвочные мостки, сушилось бельё, болтались фонари, рваные флаги и клетки с воронами. Каменные ступени уходили вверх, прорезая Ярус, как шрам, — я поднималась по ним десятки раз, и каждый раз казалось, будто город пытается удержать меня за полы плаща, не пуская туда, где всё пахнет полировкой, благовониями и ложью.

Я обернулась через плечо и на миг задержала взгляд на раскинувшемся позади Нижнем Ярусе. Он мерцал сотнями огней — чудовище с золотыми глазами: грязный, жестокий, голодный, живой. Мой. И как бы ни кривили губы наверху, как бы ни морщились при словах «воры», «бастарды», «контрабандисты» и «сброд», я знала одну простую вещь: если однажды этот район захочет сожрать королевство целиком — никто в замке не успеет даже закричать.

Я улыбнулась своим мыслям и снова посмотрела на башню впереди.

— Что ж, — пробормотала себе под нос, — посмотрим, как вспыхнут глаза принца, когда я упомяну имя Кариссы — той самой, что неделю назад он лично изнасиловал и бросил умирать. А ей было всего восемнадцать.

Я пошла дальше — по мокрым камням, сквозь дым, свет фонарей и шёпот улиц, прямо к замку, который так любил делать вид, будто стоит выше всей этой тьмы, хотя на самом деле она давно держала его за горло.

Глава 2

Оставалось пройти арку у старой винной лавки, подняться по каменной лестнице к верхней дороге — и грязь, дым, крики, пьяный смех, музыка из притонов и вечная вонь сырости остались бы за спиной. Я шла быстро, не глядя по сторонам, всё ещё прокручивая в голове предстоящий разговор в замке и прикидывая, с кого именно начать, если ночь закончится плохо. С идиота гвардейца, который опять решил, что мне можно скормить полуправду и уйти с целой глоткой?

Но потом я заметила фигуру в тёмном плаще.

Ничего особенного — на первый взгляд. Один из сотен мужчин, которые пытались затеряться в Ярусе под капюшоном, втянув голову в плечи и надеясь, что чужая грязь скроет их собственную. Он шёл уверенно, слишком уверенно: не озирался, не ускорял шаг, не брезгливо морщился, когда мимо пробежала босая девчонка с украденным кошелём, не шарахнулся от пьяной драки у стены, не сжался, когда из переулка вышли трое громил и, узнав меня, резко передумали лезть на дорогу. Он просто шёл — прямо к дому удовольствий. Я остановилась так резко, что плащ ударил меня по ногам.

Сначала я увидела только походку — спокойную, лениво-ровную, с той самой отвратительной породистой уверенностью, которую в детстве вбивают в наследников вместе с

этикетом, фехтованием и привычкой считать весь мир своей собственностью. Потом он чуть повернул голову, когда мимо пронеслась телега, и свет фонаря скользнул по лицу из-под капюшона. У меня внутри всё оборвалось и тут же вспыхнуло яростью.

Наследный принц.

Наследный, мать его, принц Солнечного королевства шагает один в самый грязный, самый опасный квартал столицы так, будто вышел на вечернюю прогулку, и направляется напрямиком в дом удовольствий, словно не рискует быть ограбленным, прирезанным, шантажированным, отравленным или, что куда вероятнее, узнанным кем-нибудь, кто потом продаст эту новость половине двора ещё до рассвета. Я даже не сразу почувствовала, как стиснула зубы.

— Да вы издеваетесь, — выдохнула себе под нос.

Он тем временем уже поднимался по широким ступеням борделя, скрытого за красными занавесями и позолоченной вывеской, будто всё происходящее было совершенно нормальным, будто наследникам престола положено шлаться по моему городу в одиночку и без единой капли здравого смысла в крови.

Я медленно повернула голову в сторону крыши, где должна была сидеть одна из дозорных пар. Пусто. Точнее, не пусто — я видела тень, движение, чей-то силуэт у трубы. Значит, они были на месте. Они просто... не узнали его. По позвоночнику поднялась ледяная, звенящая злость: мои люди,

мои, чтоб их, пропустили наследного принца только потому, что он натянул на голову капюшон. Мне захотелось кого-нибудь убить. Желательно — не одного.

Я ещё раз посмотрела на двери дома удовольствий, за которыми исчезла высокая тёмная фигура, и в груди неприятно кольнуло понимание, насколько это плохо. Принц в Нижнем городе — уже проблема. Принц в доме удовольствий — проблема вдвойне. И самое мерзкое заключалось в том, что теперь эта катастрофа — моя, потому что если с ним что-то случится именно здесь, виноватым сделают не его, не стражу, не весь этот прогнивший двор, который не может удерживать собственного наследника от походов по борделям. Виноват будет мой город. Скажут, что та самая покровительница не уследила за своим зверинцем, что в её Ярусе опасно, что бастарды, воры и ублюдки, которых я покрываю, перешли черту. Что этот район нужно зачистить — повесить десяток показательно, сжечь пару кварталов, вытащить детей из подвалов и бросить на площадь как доказательство того, что корона наконец навела порядок. Нет уж.

Я с такой силой сжала рукоять кинжала у пояса, что косяшки заныли. План менялся. К чёрту замок. К чёрту советников. К чёрту все разговоры, ради которых я собиралась покинуть Ярус. Теперь у меня была задача поважнее: не дать золотому идиоту либо сдохнуть в моём районе, либо устроить скандал, от которого потом полетят головы.

Я резко развернулась к переулку справа.

— Лиор, — позвала негромко.

Тень отделилась от стены почти сразу — мальчишка семнадцати лет, худой, быстрый, в тёмной куртке, вынырнул из мрака так бесшумно, будто его вырастили крысы, а не люди.

— Да, госпожа?

— Сколько дозорных стояло на восточном проходе?

Он замер, почуяв по моему голосу беду.

— Двое. Тарен и Мик.

— Прекрасно. Просто прекрасно. — Я улыбнулась, и Лиор заметно побледнел. — Передай им, что если через пять минут они не окажутся на крыше дома удовольствий, я лично прибью их головы к воротам в назидание остальным.

— Что случилось?

Я кивнула в сторону борделя.

— Случилось то, что наследный принц только что вошёл в «Алую вуаль», а эти слепые ослы на крышах решили, что капюшон — это, видимо, высшая форма маскировки.

Лиор уставился на меня, будто ждал, что я сейчас рассмеюсь и скажу, что это шутка. Я не рассмеялась.

— Иса... это точно был он?

— К сожалению, да. Я бы предпочла, чтобы у меня просто начались галлюцинации, но нет — это действительно он.

Лиор грязно выругался.

— Именно, — холодно сказала я. — Поэтому слушай внимательно. Подними ещё двоих к заднему входу, одного — на крышу напротив. Пусть никто не приближается к дому без

моего вedomа. Никто. Если увидите людей дворца, стражу, кого-то из знати, подозрительных чужаков, да хоть бродячего проповедника — сразу ко мне.

— А если принц выйдет?

— Не выпускать его из виду ни на секунду, но и пальцем не трогать. Даже если он сам попросит, даже если будет приказывать, даже если решит, что он бессмертный и хочет прогуляться в самый тёмный переулок Яруса. Просто следите и зовите меня.

— Понял.

Он уже собирался сорваться с места, когда я поймала его за рукав.

— И ещё, Лиор: если хоть одна живая душа в этом квартале уже поняла, кто вошёл в «Алую вуаль», я хочу знать об этом немедленно.

Он кивнул и исчез.

Я осталась стоять посреди улицы, глядя на двери борделя. Изнутри доносилась музыка — тягучая, сладкая, почти сонная. Красный свет падал на мокрые ступени, делая их похожими на залитые вином. У входа скучал вышибала, ещё не понимающий, что это заведение только что превратилось в мою личную головную боль.

Я медленно выдохнула. Ну конечно. Ну разумеется, именно так и должен был закончиться мой вечер: наследный принц Солнечного королевства, скрыв лицо капюшоном, в одиночку приходит в самый порочный дом Нижнего города,

а мне теперь нужно идти за ним и разбираться, какого дьявола ему здесь понадобилось — шлюха, информация, чёрный рынок, шантаж... или всё сразу.

Я поднялась по ступеням. Вышибала распрямился, заметив меня, и уже открыл рот, но я даже не посмотрела в его сторону.

— Если внутри кто-нибудь вздумает закрыть передо мной дверь, — произнесла спокойно, — я велю отрубить ему руки и прибить их к стойке. Для красоты.

Он тут же отступил. Вот и славно.

Я толкнула дверь, и тёплый, тяжёлый воздух борделя ударил в лицо ароматом духов, вина, дыма и чужих тел. Музыка стала громче, женский смех — звонче. Где-то хлопнула дверь, кто-то простонал, кто-то зашептал, кто-то уже заметил меня и затих. А я стояла на пороге, чувствуя, как внутри медленно, сладко разворачивается бешенство, потому что у меня был только один вопрос: какого чёрта наследный принц делает в моём городе — и почему мне кажется, что сейчас я узнаю ответ, который понравится мне меньше всего?

У лестницы на второй этаж я поймала за локоть одну из девиц — из тех, кого знала и кто знал меня. Она ойкнула, едва не расплескав вино из подноса, и вскинула на меня глаза, уже готовая возмущаться, пока не поняла, кто именно её держит. Возмущение умерло сразу, на его месте остался только испуг.

— Где он? — спросила я.

— Госпожа Иса, я...

Я сжала её руку сильнее.

— Наследный принц. Где он и какого дьявола ему здесь понадобилось?

Девушка судорожно облизнула губы и бросила быстрый взгляд на дверь в конце коридора, за тяжёлой бархатной портьерой.

— Он... он не брал девушку, госпожа.

Я нахмурилась.

— Что?

— Он пришёл один. Заплатил за комнату на час и сказал, что будет ждать. Просто ждать.

Я медленно отпустила её локоть. Это мне не понравилось ещё больше. Если бы принц пришёл сюда за шлюхой — я бы понимала: мужчины с короной, титулом или достаточным количеством золота удивительно предсказуемы, когда дело касается борделей. Но наследник престола тайно пробирается в Нижний город, снимает комнату в доме удовольствий и никого туда не зовёт... Нет. Это уже не похоть. Это тайная встреча.

— Кто к нему пришёл? — тихо спросила я.

Девушка нервно сглотнула.

— Мужчина. Я не видела лица, он пришёл через задний вход. Они велели никого не подпускать. Комната, где вы всегда беседовали с господином Крисом.

Я коротко кивнула и шагнула к двери в конце коридора.

Музыка на входе всё ещё гремела, смех, звон бокалов, чей-то томный вздох — весь обычный шум «Алой вуали» остался за спиной, как только я свернула в узкий тёмный проход. Здесь уже было тише: только свет двух настенных ламп дрожал на красных обоях, а ковёр под ногами скрадывал шаги. Воздух пах розовым маслом, воском и старым деревом.

Я подошла к нужной двери и остановилась. Сначала хотела просто ворваться — выбить к чёрту замок, схватить принца за шиворот и лично выволочь из этой комнаты прежде, чем он успеет окончательно разрушить мне ночь. Но потом я услышала голос изнутри.

— ...ты всё ещё не понимаешь, в каком положении находишься, принц.

Я застыла. Голос звучал спокойно, почти лениво, но в нём было что-то такое, от чего кожа на затылке неприятно натянулась. Не истерика, не бравада — хуже. Уверенность человека, который уже приготовил нож и теперь просто ждёт, когда жертва сама подставит горло.

Я чуть ближе наклонилась к двери.

— Ты примешь мои условия, — продолжил мужчина. — Или я клянусь, от твоего города не останется ничего, кроме углей. Я вырежу его до последнего переулка, сожгу дома, подвалы, лавки, рынки. Я уничтожу весь город, и ты будешь смотреть, как он горит, потому что именно ты выбрал упрямство вместо сделки.

У меня внутри всё оборвалось. А потом стало очень тихо

— так тихо, что я услышала собственный пульс. Холод. Тот самый ледяной, ослепительно ясный холод, который приходит за секунду до того, как я кого-нибудь убиваю. Мой Нижний город тоже войдёт в этот план... Моих людей только что пообещали вырезать, как скот, в нескольких шагах от меня, за тонкой деревянной дверью, в доме удовольствий, на моей земле.

Я медленно положила ладонь на рукоять кинжала.

И тут раздался второй голос. Спокойный. Ровный. Холодный.

— Я никогда не приму условий бастарда.

Бастард?.. На миг мне показалось, что я ослышалась. Не потому, что он отказал — это как раз было ожидаемо, высокомерия в наследниках обычно больше, чем мозгов. Но в его тоне не было страха. Ни капли. Он не пытался выиграть время, не юлил, не торговался, а произнёс это так, будто уже решил, что скорее позволит вскрыть себе горло, чем уступит.

Я нахмурилась, всё ещё прислушиваясь.

За дверью повисла короткая пауза. Потом чужак усмехнулся — я почти увидела эту усмешку, тонкую, мерзкую, режущую.

— Осторожнее со словами, Ваше Высочество.

— А ты осторожнее с угрозами, — отозвался принц. — Особенно когда пытаешься запугать меня тем, что собираешься убивать людей, которых я даже не знаю. Тем более, я смогу защитить их, если понадобится.

Мои пальцы на рукояти замерли. Я моргнула. Это... было не тем, чего я ожидала. Совсем не тем.

— Не строй из себя милосердного правителя, — почти ласково сказал мужчина. — Тебе плевать на этих людей.

— Мне плевать на тебя, — холодно ответил принц.

Я прикрыла глаза на секунду. Прекрасно. Просто прекрасно. Наследный принц тайком приходит в мой бордель, чтобы встретиться с каким-то ублюдком, который угрожает вырезать город, а сам принц в ответ ведёт себя так, будто сидит не в логове шантажиста, а у себя в тронном зале. Мне следовало бы разозлиться на его тон — на слово «бастард» особенно, — на то, что он вообще притащил эту угрозу в мой район. Но злость уже перешла в другое состояние: стала спокойной, собранной, почти деловой.

Я начала думать. Бастард. Не просто оскорбление, брошенное в лицо, — принц сказал это так, будто знал, с кем разговаривает. Значит, человек внутри действительно был бастардом — не уличным голодранцем, не наёмником, а кем-то, чьё происхождение имело значение, кто осмелился предъявить условия наследнику Солнца и считал, что может диктовать короне цену. И если он угрожал уничтожить город, значит, он либо безумен, либо обладает силой, людьми и ресурсами, чтобы хотя бы попытаться. Плохо. Очень плохо. Неужели это кто-то из детей короля Солнца? Может, объявился незаконнорожденный сын и требует денег или власти?

Я чуть сместилась к дверному косяку, стараясь уловить каждое слово.

— Ты ещё можешь постараться образумиться, — произнёс мужчина. — Вернись через три дня с ответом, который меня устроит. И тогда, возможно, я позволю твоему драгоценному городу продолжать гнить дальше.

— Ты говоришь так, будто уже победил.

— Я говорю так, будто знаю, что будет, если ты ошибёшься.

Я услышала скрип дерева — будто кто-то поднялся со стула. Инстинкт дёрнул меня вперёд ещё до того, как разум успел оформить мысль. Нет. Хватит. Какого бы чёрта здесь ни происходило, угрожать моему городу за закрытой дверью и после этого спокойно уходить этот человек не будет.

Я отступила на полшага, чтобы удобнее перехватить кинжал, и почувствовала, как по губам сама собой расплзается улыбка — тонкая, холодная, совершенно недобрая. О, бедняга. Если он думал, что главная проблема в этой комнате — наследный принц, то сейчас его ждало очень неприятное открытие.

Я положила ладонь на дверную ручку.

И только в этот момент поняла, что злюсь уже не только из-за угрозы. Я злилась ещё и потому, что принц — этот самоуверенный золотой идиот — полез в самое сердце моего города один, без предупреждения, сунул голову в петлю и, похоже, даже не счёл нужным сообщить кому-то, что на кону

не просто его жизнь, а весь Нижний город.

Тяжёлая мужская рука легла мне на плечо так внезапно, что я едва не ударила локтем назад, но неизвестный оказался быстрее: в одно резкое движение он дёрнул меня от двери, распахнул соседнюю комнату и буквально втолкнул внутрь. Я уже открыла рот, чтобы устроить скандал, поднять на ноги весь дом удовольствий и заодно вспороть кому-нибудь брюхо, как увидела, кто именно захлопнул за нами дверь.

Джо.

Он стоял ко мне спиной, одной рукой придерживая створку, а другой прижимал палец к губам, требуя молчать. Всё его внимание было приковано к узкой щели между дверью и косяком, он даже не обернулся — просто застыл, весь напряжённый, прислушиваясь к коридору.

— Какого чёрта? — прошипела я.

Он не ответил. Прошла секунда, другая, потом я услышала, как напротив открылась дверь той самой комнаты, где сидели принц и неизвестный. Послышались шаги — тяжёлые, уверенные, мужские. Один комплект удалился первым, через мгновение за ним двинулся второй. Джо подождал ещё немного и только потом отлип от двери, наконец повернувшись ко мне.

— Иса, ты что творишь? — тихо спросил он. — Что ты собиралась делать?

Я уставилась на него, чувствуя, как по телу снова поднимается ярость — уже не к принцу, не к ублюдку за дверью, а

к этому самоуверенному мерзавцу, который решил, что имеет право хватать меня, как взбесившуюся девчонку.

— Это ты что творишь? — рывкнула я, забыв о шёпоте. — Какого дьявола ты лезешь в моё дело? Как смеешь мешать моему плану?

Он подошёл так быстро, что я не успела даже отступить. Его ладонь легла мне на горло — жёстко, плотно, до боли. Пальцы сжались, перекрывая воздух, и меня толкнуло спиной в стену. Я захрипела, обеими руками вцепилась в его запястье, пытаясь ослабить хватку, но Джо был сильнее — гораздо сильнее. Он навис надо мной так близко, что я почувствовала на губах его дыхание.

— Не забывайся, любимая, — процедил он прямо мне в рот. — Я твой мужчина. Я твоя правая рука. И у нас, черт возьми, был план.

В глазах потемнело.

— Сволочь, — прохрипела я.

Пока он наслаждался собственной властью, моя правая рука скользнула вниз, к поясу. Пальцы нащупали рукоять ножа, и я вытащила его медленно, почти ласково, чтобы не выдать движение раньше времени, а потом выставила остриё прямо ему между ног. Джо замер. Я увидела, как изменилось его лицо — едва заметно, но достаточно. Почувствовав угрозу, он ослабил хватку, и этого мне хватило: я рванулась в сторону, вывернувшись из-под его руки и отступила на шаг, всё ещё держа нож перед собой. Воздух влетел в лёгкие рва-

но, болезненно — горло жгло так, будто внутри меня провели наждаком.

— Знай своё место, Джо Вольс, — сказала я, восстанавливая дыхание. — И больше никогда не суйся в то, что тебе не по плечу.

Его взгляд стал тёмным, опасным, но он не двинулся. Я не стала ждать, пока ему в голову придёт ещё одна блестящая идея, — убрала нож в ножны, распахнула дверь и выскользнула в коридор.

Принц уже ушёл. Чёрт.

Я быстрым шагом пересекла узкий коридор частных комнат и вышла в общий зал «Алой вуали». Здесь всё ещё гремела музыка, девицы смеялись, кто-то спорил у стойки, один купец с красным лицом пытался усадить себе на колени сразу двух девушек — обычный шум борделя, в котором тонули чужие тайны. Я уже почти вылетела за дверь, когда взгляд зацепился за стену возле гардеробной ниши, где на гвозде висела карнавальная маска — тонкая, чёрная, с острыми золотыми краями вокруг глаз, одна из тех, что посетители надевали на закрытых вечерах, чтобы потом можно было делать вид, будто никто никого не узнал. Я схватила её, даже не замедляя шага, и пальцы сами надели маску на лицо, пока я толкала дверь плечом и выскакивала на улицу. Если принц увидит меня сейчас, а потом каким-то чудом останется жив, у меня будут проблемы, но если меня увидят рядом с ним, я хотя бы не подарю ему своё лицо добровольно. Пусть

потом на допросе попробует доказать, что видел именно леди Ревейн, а не любую другую женщину в плаще и маске.

Холодный ночной воздух ударил в лёгкие. Я подняла голову к крыше — одна из моих теней уже ждала. Тёмный силуэт отделился от трубы и беззвучно указал рукой направление. Заметили. Я сорвалась с места и побежала вдоль улицы так быстро, что дыхание почти сразу сбилось. Нижний город вокруг расплывался в пятнах света и тени: мокрые стены, навесы, мостки между домами, редкие прохожие, которые шарахались с дороги, едва заметив меня. Впереди уже начинался подъём к верхнему городу — каменные арки, широкая улица, ведущая к кварталам, где пахло не плесенью и кровью, а благовониями, шёлком и лицемерием. И там, на границе двух миров, мелькнул принц.

Высокая фигура в тёмном плаще скользнула в переулок. Я замедлилась только на миг — ровно настолько, чтобы оценить расстояние и выругаться про себя. Проклятье. Я уже не успевала: не успевала попасть в замок раньше него, не успевала оказаться в его покоях, не успевала перехватить его там, где стены глушат крик. Всё, что у меня оставалось, — этот переулок.

Я свернула следом. Каменная теснина была узкой и тёмной: слева — глухая стена, справа — редкие двери чёрных ходов, над головой — полоска ночного неба. Шаги принца отдавались впереди глухо, ровно — он шёл быстро, но не бежал, не чувствовал опасности или думал, что успел оставить

её за спиной.

Я сняла с пояса нож, и клинок лёг в ладонь привычно, почти успокаивающе. Нет, я не собиралась убивать его здесь — не в двух шагах от замка, не рядом с патрулями, не после разговора, который только что подслушала. Он был нужен мне живым, хотя бы на несколько минут: прижать его к стене, приставить нож под челюсть и выбить ответы. Кто тот бастард? Какие условия? Почему Нижний город вообще оказался смешан с этим дерьмом?

Я уже была достаточно близко. Шла вдоль стены широкими, но бесшумными шагами, маска мешала обзору, но я не снимала её. Правая рука сжимала нож, левая скользила по холодному камню, удерживая равновесие. Ещё два шага — и я окажусь у него за спиной. Но тут из-за угла впереди появились двое гвардейцев. Золотые доспехи блеснули даже в этой темноте, и, увидев принца, оба тут же остановились, почтительно склонив головы.

Чёрт.

Я замерла. Всё. План развалился — при них я не смогу даже заговорить с ним, не то что прижать к стене. Ещё секунда, и придётся уходить, тихо, быстро, пока меня не заметили. Я уже собиралась отступить, когда воздух прямо передо мной рассёк резкий свист — звук был такой быстрый, такой тонкий, что сначала я даже не поняла, что произошло. Просто увидела, как принц дёрнулся, будто кто-то с силой толкнул его в шею, а потом он рухнул на колени. У меня внутри всё

похолодело.

Из его шеи торчала стрела. Он издал один-единственный крик — короткий, хриплый, полный такого животного ужаса, что меня будто окатило ледяной водой, и тут же завалился лицом вниз на каменную кладку.

Гвардейцы сорвались к нему с криком, тяжело загремев доспехами. Я отступила в тень. Бежать немедленно. Вот что нужно было сделать: тихо шагнуть назад, раствориться в боковом проходе, сорвать маску, выкинуть её в канаву и исчезнуть прежде, чем кто-то поймёт, что здесь была ещё одна фигура. Но я совершила ошибку — подняла голову. Мне слишком сильно хотелось увидеть, откуда прилетела стрела.

На крыше дома, прямо над переулком, стоял Джо: чёрный силуэт на фоне ночного неба, лук в руках, тетива ещё дрожала после выстрела. И смотрел он не на принца — на меня. Всего мгновение, и я поняла страшную вещь: он не просто убил наследника, он сделал это так, чтобы рядом оказалась я. Чтобы поймали меня. Чтобы потом мне никто не поверил.

Джо шагнул назад и исчез в тени. Камень под моим сапогом скрипнул. Проклятье.

Один из гвардейцев резко вскинул голову.

— Наследный принц мёртв! — заорал он так громко, что голос ударился о стены переулка. — Убийца там! В тени!

Я попятилась. Шаг. Второй. До спасительного бокового прохода оставалось всего ничего — несколько шагов, и я бы уже нырнула в сеть узких улиц, где даже королевская

стража быстро забывает, как дышать. Я почти развернулась, уже чувствуя вкус свободы, когда спиной налетела на что-то твёрдое. Нет. Трое гвардейцев — откуда они взялись, я даже не поняла: может, патрулировали соседнюю улицу, может, слышали крик и перекрыли выход быстрее, чем я успела сориентироваться. Но они уже были здесь — в золотых доспехах, с обнажёнными мечами и лицами людей, которые только что увидели рядом с телом наследника вооружённую фигуру в плаще и маске.

— Убийца здесь! — рявкнул один из них.

Он схватил меня за руку и с такой силой дёрнул вниз, что я потеряла равновесие. Второй ударил меня носком сапога под колено, и я рухнула на камни. Нож вылетел из пальцев и со звоном скользнул в сторону. На меня навалились сразу трое, чужие руки заломили мои запястья за спину, металл наручников с щелчком сомкнулся на коже. Меня дёрнули вверх и тут же толкнули вперёд так сильно, что я не удержалась и ударилась лбом о камни. Перед глазами вспыхнуло белым, на вкус во рту стало железо.

— Во дворец её! Живо! — орал кто-то сверху.

— Зовите врачей! Осмотреть принца! Быстро! Главную стражу сюда!

— Не дайте ей сдохнуть, капитан с нас шкуру спустит!

Меня рывком подняли на ноги. Мир качнулся, кровь стекла по виску под край маски, и я вдруг поняла, что до сих пор не сорвала её — так и стояла перед ними: в плаще, с

растрёпанными волосами, в карнавальной маске, словно не убийца, а чья-то дурная шутка. Наследный принц лежал в нескольких шагах от меня лицом вниз, неподвижный, с чёрным древком в шее.

А я попалась. Не гвардии, не дворцу, не даже убийству — я попалась Джо. И хуже всего было то, что он знал: теперь, когда принц мёртв, никто не станет разбираться, зачем я шла за ним и кого на самом деле хотела остановить или заставить говорить. Им нужна будет не правда — им нужна будет виновная. И этой виновной уже сделали меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.